

Д. Дзино

**«СТАНОВИТЬСЯ СЛАВЯНИНОМ»,
«СТАНОВИТЬСЯ ХОРВАТОМ»:
НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
В ИССЛЕДОВАНИИ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ
ПОЗДНЕАНТИЧНОГО И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ИЛЛИРИКА***

Книга *The Making of the Slavs* Флорина Курты заинтриговала научную общественность и открыла новые возможности в интерпретации процессов становления и конструирования славянских идентичностей в Средние века. Его инновационные концептуальные подходы к проблеме формирования этничности и исторической идентичности вообще являются частью значительно более широкого научного дискурса, перепроверяющего и переформулирующего современные представления об античных и раннесредневековых групповых идентичностях. Новейшие научные взгляды развиваются в рамках мультидисциплинарной интерпретации, которая, наряду с существующими историко-археологическими воззрениями, включает и концепции, выработанные в других областях, таких как социальная антропология или *cultural studies*. Результатом этого являются новые интерпретации происхождения и развития социальных конструкторов, таких как «культура» или «идентичность».

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы попытаться выявить последствия подхода Курты и вообще постмодернистской интерпретации культуры и идентичности для будущих исследований общественной трансформации западной/центральной части Балканского полуострова в поздней античности и раннем Средневековье. Ввиду большого количества вопросов, акцент здесь будет поставлен только на возникновении хорватской идентичности на территории античной провинции Далмации, но это под-

* Перевод с хорватского Д. Е. Алимова.

разумеает также, что сходные процессы происходили в других областях Иллирика с другими славянскими идентичностями. К этой проблеме следует подойти в будущем в значительно более широкой концептуально-географической перспективе, которая бы охватила всю западную часть Юго-Восточной Европы¹.

Вопрос истории групповых идентичностей является весьма чувствительным для этого региона, так как субъективное восприятие и интерпретация прошлого часто использовались здесь в целях конструирования современных идентичностей. Подход Ф. Курты тем более значим, что предполагает существенные коррективы интерпретации не только в рамках научного диалога, но и в гораздо более широком популярном дискурсе представления о развитии современных идентичностей этого региона. Также следует заметить, что перепроверку существовавших до сих пор взглядов на эту эпоху следует осуществлять в сравнительной перспективе более общих явлений и в сопоставлении с другими регионами постантичной Европы, оказавшимися в сходных обстоятельствах, что особенно относится к Британии.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Книга Ф. Курты использует в качестве методологической основы постмодернистскую интерпретацию истории и археологии, которая постепенно становится основой более широкого научного консенсуса относительно подхода к изучению истории, а потому важно вкратце обозначить основные положения этой методологической позиции. Важнейшая отправная точка интерпретации Курты заключается в том, что источники следует снова подвергнуть исследованию в целях выяснения контекстов, в которых они создавались и пребывали. Остатки материальной культуры следует рассматривать в социальных контекстах, в которых они существовали, а письменные источники — как продукт культурного дискурса своей эпохи, как литературные произведения, придерживающиеся жанровых конвенций, культурных стереотипов и отражающие дискурсивную, политическую и культурную практику своего автора, а не как историческую истину или ее следы.

Постмодернизм в историко-археологической интерпретации характеризуется несколькими разными концептуальными подходами, которые в большей или меньшей степени представлены в методологии Ф. Курты². Исследователь в значительной степени опирается на социально-антропологический инструментализм и интеракционизм Фредерика Барта и Абнера Козна³. Эти трактовки показывают, что этническая идентич-

¹ Значительным концептуальным сдвигом в географическом рассмотрении этого региона относительно прежнего колониального конструкта «Балкан» как негативного отражения Европы является книга: *Curta F. Southeastern Europe in the Middle Ages 500–1250*. Cambridge, 2006. — Ср.: *Todorova M. Imagining Balkans*. Oxford, 1997. — Естественно, для успешного изучения Юго-Восточной Европы как географическо-исторической макросистемы необходимо сфокусироваться на ее субрегионах вроде Западных Балкан, особенно в контексте становления славянских идентичностей. См.: *Rendić-Miočević D. Retracing the past to the cradle of Croatian History // EEQ. 2002. Vol. 36. Nr 1. P. 2.*

² *Curta F. The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700*. Cambridge, 2001. P. 6–35.

³ *Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries / Ed. by F. Barth. Bergen, 1969. P. 9–38* [русский перевод: *Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Под ред. Ф. Барта; Пер. И. Пильщикова. М., 2006. С. 9–48. — Примеч. переводчика*]; *Cohen A. Custom and politics in urban Africa: A study of Hausa migrants in Yoruba towns*. London, 1969. — Ср. также более современную интерпретацию взглядов Ф. Барта: *The anthropology of ethnicity: Beyond 'Ethnic groups and boundaries' / Ed. by H. Vermeulen, C. Govers. Amsterdam; Hague, 1994.*

ность формируется в интеракции различных групп и что этничность является скорее объектом трансформации и манипуляции со стороны сообществ как своего рода социальный или политический инструмент, нежели существует *per se* как заранее предопределенная реифицированная идентичность. Этничность формируется также посредством внутреннего самоопределения группы и под влиянием восприятия внешнего наблюдателя, особенно если внешний наблюдатель находится в позиции политического или культурно-дискурсивного доминирования⁴. Следствие данного подхода состоит в том, что этнические группы должны впрямь рассматриваться не как реифицированные, заранее определенные социальные формации, но как своего рода «воображаемые сообщества», как их называет Б. Андерсон, которые постоянно изменяются, конструируя свою идентичность в соответствии с различными историческими и политическими обстоятельствами, в которых они пребывают⁵.

Ориентализм и постколониальная критика занимают особое место в этих новых концепциях. Ориентализм, говоря кратко, — это дискурсивное восприятие культурного *другого*, которое посредством аккумуляции различных культурных стереотипов конструирует восприятие *другого* в качестве псевдообъективной реальности. Во многом восприятие *другого* как группового понятия играет роль в групповой самоидентификации того, кто его определяет, т. е. нас, так как показывает, что *они* представляют все то, чем *мы* не являемся. Данная трактовка ориентализма также тесно связана с отношениями политического господства и подчинения, например, между европейскими колонизаторами и колониями в XIX–XX веках⁶.

Параллельно с этими концепциями знаковыми являются перемены в археологической интерпретации материальной культуры, основанной на критике методологии В. Г. Чайлда и Г. Косинны, которая автоматически связывала материальную культуру с «этничностью» носителя этой культуры. Позиция данной критики проста: автоматическое связывание объектов материальной культуры и идентичности социальной группы, которая их использует, является неадекватной интерпретацией, так как объекты могут существовать в различных контекстах, таких как социальная идентичность, мода, региональные особенности и т. д. Интерпретация объектов материальной культуры возвращена из этнического преимущественно в социальный и даже индивидуальный контекст⁷. Подход этой, как она еще называется, «археологии этничности» (*archaeology of ethnicity*) в значительной степени опирается на интерпретацию материальной культуры посредством разработанной П. Бурдые концепции габитуса — устойчивых склон-

⁴ См.: Jenkins R. Rethinking ethnicity: Identity, categorization and power // ERS. 1993. Vol. 17. Nr 2. P. 197–223.

⁵ Anderson B. Imagined communities: Reflections on the origins and spread of nationalism. London, 1983 [русский перевод: Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. В. Г. Николаева. М., 2001. — Примеч. переводчика]. — Ср.: Eller J., Coughlin R. The poverty of primordialism: The demystification of ethnic attachments // ERS. 1993. Vol. 6. Nr 2. P. 183–202.

⁶ См.: Said E. Orientalism. London, 1978 [русский перевод: Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока / Пер. А. В. Говорунова. СПб., 2006. — Примеч. переводчика]. — Здесь сконцентрировано внимание на европейском, западном конструировании «Востока».

⁷ См.: Shennan S. J. Introduction: Archaeological approaches to Cultural Identity // Archaeological Approaches to Cultural Identity / Ed. by S. J. Shennan. New York, 1989. P. 1–32; Jones S. The Archaeology of Ethnicity: Constructing identities in the past and present. London, 1997; Brather S. Etnische Interpretationen in der frühgeschichtlicher Archäologie: Geschichte, Grundlagen und Alternativen. Berlin; New York, 2004. — Ф. Курта, хотя и оспаривает методологию Чайлда — Косинны в *The Making of the Slavs*, недавно подверг критике интерпретацию С. Братера как слишком радикальную: Curta F. Some remarks on ethnicity in medieval archaeology // EME. 2007. Vol. 15. № 2. P. 159–185.

ностей, относящихся к определенным социальным категориям, таким, например, как мораль, вкус, роль полов, способы коммуникации, которые все вместе образуют определенную социальную сферу — габитус. Габитус меняется сообразно изменению социокультурных факторов эпохи, в которой он существует, а также через общий опыт группы, его разделяющей⁸.

Также важно принять во внимание недавнюю перепроверку воздействия современных национализмов на историко-археологическую интерпретацию объектов материальной культуры⁹, критическое отношение современной археологии к миграциям как к «массовым движениям народов»¹⁰ и обнаружение того, что наше понимание ритуального и контекстуального (социального, гендерного, классового и т. д.) значения погребальных обрядов раннего Средневековья все еще недостаточно¹¹.

Значение новых подходов заключается в том, что устоявшиеся концепты, такие как монолитность идентичности, статичная территориальная принадлежность культуры или воззрение, согласно которому национальные идентичности формируются из «культурного ядра» и «исторических слоев», основательно расшатаны. Культурные и этнические стереотипы, которые известны нам из античности («грек», «римлянин», «варвар» и т. д.), сейчас выглядят скорее как конструкты, скрывавшие множество разных идентичностей, нежели как статичные «этнические» или «культурные» категории. Письменные источники античности подвергнуты основательной критике учеными ввиду своей греко-римской колониальной и имперской литературной перспективы, использовавшей определенные этнические стереотипы, чтобы описать чужие народы средствами жанровой античной «этнографии»¹². «Варварские» исторические нарративы постмиграционного периода, вроде сочинений Иордана, Павла Диакона, Беды Достопочтенного или Григория Турского, также справедливо охарактеризованы как литературные жанровые произведения, часто больше говорящие о своем времени и авторе, чем о далеком прошлом. Как утверждают многие современные исследователи, историческая «истина» и «неистина» суть категории, которые заключают в себе наше современное их понимание, а не оригинальное стремление авторов или понимание, свойственное их аудитории¹³.

⁸ Bourdieu P. 1) Outline of a Theory of Practice. Cambridge, 1977; 2) The Logic of Practice. Cambridge, 1990.

⁹ Nationalism and archaeology in Europe / Ed. by M. Díaz-Andreu, T. Champion. London, 1996; Cultural Identity and Archaeology: The construction of European communities / Ed. by P. Graves-Brown, S. Jones, S. Gamble. London; New York, 1996; и др.

¹⁰ Anthony D. Migration in archaeology: the baby and the bathwater // American Anthropologist. 1990. Vol. 92. Nr 4. P. 895–914. — Д. Энтони объясняет историческую миграцию как строго определенную социальную стратегию группы, которая мигрирует. Ср.: Härke H. Archeologists and Migrations: A problem of attitude [and Comments and Reply] // Current Anthropology. 1998. Vol. 39. Nr 1. P. 19–45.

¹¹ См.: Effros B. Merovingian Mortuary Archaeology and the Making of Early Middle Ages. Berkely, 2003; Halsall G. Early Medieval Cemeteries: An Introduction to Burial Archeology in the Post-Roman West. Skelmorlie, 1995; Härke H. «Warrior Graves»? The Background of the Anglo-Saxon Weapon Burial Rite // Past and Present. 1990. Vol. 126. P. 22–43; и др.

¹² Hartog F. Le miroir d'Herodote: Essai sur la representation de l'autre. Paris, 1980; Wells P. The Barbarians Speak: How the conquered peoples shaped Roman Europe. Princeton, 1999; Ferris I. Enemies of Rome: Barbarians through Roman Eyes. Stroud, 2000; Geary P. The Myth of Nations: the Medieval origins of Europe. Princeton, 2002. P. 41–62; и др.

¹³ Различные подходы представлены в: Wolfram H. Einleitung oder Überlegungen zur Origo Gentis // Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern. T. I / Hrsg. von H. Wolfram und W. Pohl. Wien, 1990. S. 19–33; Goffart W. The Narrators of Barbarian History. Princeton, 1988. — Относительно письменных источников о славянах ср.: Curta F. The Making of the Slavs... P. 36–119.

Историческая наука становится все более открытой к новым взглядам, особенно по отношению к интересующей нас эпохе поздней античности и «переселения народов»¹⁴. Обнаруживаются и новые противоречия при интерпретации, особенно в столкновении взглядов на формирование идентичности в эпоху «переселения народов». Согласно интерпретационной концепции «этногенеза», миф о происхождении «народа» (*origo gentis*), такого, например, как готы, передавался через дискурсивные мифы, которые сохраняли воинские элиты, формируя этим ядро традиции будущей идентичности — *traditionskern*¹⁵. Критики данной концепции указывают на то, что «народы» суть нестабильная категория групповой идентичности, определяемая преимущественно политическими факторами, которые постоянно ее меняют и ею манипулируют, так что понимание идентичности в *origo gentis* представляет собой исключительно политическую манипуляцию со стороны правящей группы¹⁶.

ИЛЛИРИК: ПОДХОДЫ И ПРОБЛЕМЫ

Новые теоретические основания представляют долгожданную возможность начать с новой страницы изучение проблемы перехода от дославянских идентичностей поздней античности к средневековым славянским идентичностям на территории античного Иллирика. Иллирик представляет значительную проблему для интерпретации, так как из-за скудости источников, вещественных и письменных, не вполне ясно, что произошло с позднеантичным населением. Очевиден дисконтинуитет в заселении, а несомненная трансформация идентичностей из позднеантичных в славянские видна, в первую очередь благодаря появлению славянского языка. Лингвистические доказательства распространения славянского языка указывают на начало славянизации античных топонимов на этой территории приблизительно в 650–750-е годы¹⁷. Невозможно обойти и письменные свидетельства средиземноморской элиты, которые ясно подразумевают появление пришельцев, называемых в них общим именем «славяне». Археологические подтверждения славянских переселений в Далмации, по меньшей мере, спорадичны и основываются на методологии Чайлда—Косинны, связывающей объекты материальной культуры с этничностью¹⁸. Большинство «аварских» и «славянских» находок скон-

¹⁴ Geary P. *The Myth of Nations.*; Pohl W. *Die Völkerwanderung: Eroberung und Integration.* Stuttgart; Berlin; Köln, 2002; Curta F. *The Making of the Slavs.*; Goffart W. *Barbarian tides: The Migration Age and the Later Roman Empire.* Philadelphia, 2006; Amory P. *People and identity in Ostrogothic Italy, 489–554.* Cambridge; New York, 1997; *Strategies of distinction: the construction of ethnic communities, 300–800* / Hrsg. von W. Pohl und H. Reimitz. New York; Leiden, 1998; *On Barbarian Identity: Critical Approaches to Identity in the Early Middle Ages* / Ed. by A. Gillett. Turnhout, 2002; и др.

¹⁵ Wolfram H. *Das Reich und die Germanen: Zwischen Antike und Mittelalter, Das Reich und die Deutschen.* Berlin, 1990; Pohl W. *Aux origins d'une Europe ethnique. Transformations d'identités entre Antiquité et Moyen Âge* // *Annales: Histoire, sciences sociales.* 2005. Т. 60. P. 183–208.

¹⁶ Концепция была подвергнута критике в многочисленных работах, например: Goffart W. *Rome's Fall and After.* London; Ronceverte, 1989; Bowlus C. R. *Ethnogenesis Models and the Age of Migrations: A Critique* // *Austrian History Yearbook.* 1995. Vol. 26. P. 147–164; Gillett A. *Ethnogenesis: A Contested Model of Early Medieval Europe* // *History Compass.* 2006. Vol. 4. P. 241–260.

¹⁷ Šimunović P. *The evidence provided by proper names in the early centuries* // *Croatia in the Early Middle Ages: A Cultural Survey (Croatia and Europe 1).* London; Zagreb, 1999. P. 401–404.

¹⁸ Археологические данные о славянской миграции в Хорватию недавно суммированы в: Piteša A. *The Slavs and the Early Croatian state // Dalmatia: Research in the Roman Province 1970–2001. Papers in honour of J. J. Wilkes (British Archaeological Reports 1576).* Oxford, 2006. P. 195–197. — См. также: Miletić N. *Ranoslovenske nekropole u Bosni i Hercegovini — Komparativna razmatranja* // *GZM BiH. Nova serija.* 1989. Т. 44. S. 175–200; Sokol V. *The archaeological heritage of the early Croats // Croatia in the Early Middle Ages: A Cultural Survey (Croatia and Europe 1).* London; Zagreb, 1999. P. 117–119.

центрировано в Паннонской низменности, в то время как их концентрация в Динарском поясе и на восточном побережье Адриатики минимальна¹⁹. Объяснения, что определенные предметы вроде пальчатых фибул или керамики представляют славян, больше недостаточно, хотя следует заметить, что определенные предметы или общий культурный габитус могут влиять на создание стереотипа и восприятие группы со стороны внешнего наблюдателя или даже иногда стать эмблемой группы в тех случаях, когда группа желает самоопределиваться²⁰.

С другой стороны, очевидно сохранение позднеантичного общества и населения на этой территории. Наблюдается высокий уровень урбанистического континуитета в Далмации²¹; данные антропологии и генетики указывают на то, что радикальной смены населения в этот период не произошло²², культурный габитус южных славян показывает признаки континуитета культурного габитуса дославянского населения, и в этом контексте еще более значимым становится отсутствие археологических доказательств массовой миграции к югу от Паннонской низменности²³.

Смена позднеантичных идентичностей средневековыми славянскими идентичностями в Иллирике объясняется одним из двух подходов: «миграционистским» и «автохтонистским», или их комбинацией. «Миграционистский» подход предполагает, что перемена произошла из-за прихода/миграции новой этнокультурной группы. Интерпретации прихода хорватов разнятся в научной литературе согласно тому, рассматривается ли переселяющаяся группа как часть «славян» или как особая неславянская группа — будь то готы, пришедшие до славян, или народ иранского происхождения, пришедший после славян и установивший власть над ними. «Автохтонистский» же

¹⁹ См.: *Evans H.* The Early Medieval Archaeology of Croatia AD 600–900: (British Archaeological Reports 539). Oxford, 1989. Fig. 4.4 (по: *Mrkobrad D.* Bibliografija Seobe Naroda u Jugoslaviji. Beograd, 1984). — Всего 158 из 198 (79,8 %) «аварских» и «славянских» памятников находится в Паннонской низменности, тогда как всего 40 (20,2 %) локализовано в Динарском горном поясе и на побережье.

²⁰ См.: *Curta F.* The Making of the Slavs... P. 247–310. — См. в этом же контексте: *Brather S.* The Beginnings of Slavic Settlement East of the River Elbe // *Antiquity*. 2004. Vol. 78. P. 314–329. — Ф. Курта недавно подчеркнул политизацию культурного габитуса как основу конструирования этничности в раннем Средневековье: *Curta F.* 1) Frontier Ethnogenesis in Late Antiquity: The Danube, the Tervingi, and the Slavs // *Borders, Barriers and Ethnogenesis* / Ed. by F. Curta. Turnhout, 2005. P. 173–204; 2) Some Remarks on Ethnicity in Medieval Archaeology // *EME*. 2007. Vol. 15. Nr 2. P. 159–185. — См. также: *Pohl W.* Telling the Difference: Signs of Ethnic Identity // *Strategies of Distinction: The Construction of Ethnic Communities, 300–800* / Ed. by W. Pohl, H. Reimitz. New York; Leiden, 1998. P. 17–70.

²¹ См.: *Suić M.* 1) *Antički grad na istočnom Jadranu*. Zagreb, 1976. S. 227–262; 2) Continuity of urban civilization in the Croatian lands // *Croatia in the Early Middle Ages: A Cultural Survey (Croatia and Europe 1)*. London; Zagreb, 1999. P. 103–111; *Čače S.* *Civitates Dalmatiae* u «Kozmografiji» Anonima Ravenjanina. Zadar, 1995. — Процесс кастризации в Далмации начинается в поздней античности и продолжается в постантичную эпоху (*Suić M.* *Antički grad...* S. 235–251).

²² Естественно, физические различия сами по себе не могут представлять идентичность. См. литературу по антропологии и генетике, суммированную в: *Mužić I.* *Hrvatska povijest devetoga stoljeća*. II izdanje. Split, 2007. S. 111–116.

²³ См.: *Vinski Z.* Rani srednji vijek u Jugoslaviji od 400. do 800. godine // *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu*. Serija III. 1971. Vol. 5. S. 43–73; *Evans H.* The Early Medieval Archaeology... Fig. 4.4. — См. также примеч. 18; *Milošević A.* 1) *Porijeklo i datiranje keramičkih posuda u grobovima ranog srednjeg vijeka u Dalmaciji* // *Diadora*. 1990. Nr 12. S. 327–369; 2) *Komanski elementi i pitanje kasnoantičkog kontinuiteta u materijalnoj kulturi ranosrednjovjekovne Dalmacije* // *Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak*. Zagreb, 1995. S. 97–104 (археология/ континуитет); *Vinski Z.* *Autohtoni kulturni elementi u doba doseljavanja Slavena na Balkan* // *Predslavenski etnički elementi na Balkanu u etnogenezi južnih Slovena: (Posebna izdanja ANU BiH. Knj. XII: Centar za balkanološka istraživanja. Knj. 4)*. Sarajevo, 1969. S. 171–200; *Mužić I.* *Hrvatska povijest...* S. 87–120 (культурный габитус); *Marković M.* *Antička naselja i grčko-rimska zemljopisna imena na tlu današnje Hrvatske*. Zagreb, 2004. S. 207–216 (континуитет топонимов).

Д. Дзино. «Становиться славянином», «становиться хорватом»...

подход акцентирует значение культурного континуитета в Иллирике и сводит к минимуму значение миграций, подчеркивая, что автохтонное население приняло язык славян в процессе аккультурации²⁴.

Подлинная проблема исторической интерпретации в действительности лежит вне обоих вышеупомянутых научных подходов. Перефразируя Б. Уорд-Перкинса, можно сказать, что проблема заключается не в том, почему славяне не стали «иллирийцами» («далматинцами», «паннонцами»), ибо такого не произошло нигде в Европе в эпоху постантичных миграций, где миграции почти всегда заканчивались созданием гибридных идентичностей между пришельцами и автохтонным населением, исключая Британию. Вопрос на самом деле заключается в том, почему этот процесс создания идентичностей был таким односторонним, благоприятствуя славянам и восприятию их идентичности?²⁵

Для понимания конструирования дославянских идентичностей важно вспомнить то, что мы о них знаем. Доримские идентичности железного века в Иллирике развивались в соприкосновении со средиземноморской глобализацией и латенскими континентальными влияниями, особенно посредством формирования протополитических образований около IV–III вв. до н. э.²⁶ Хотя прежняя интерпретация настаивала на определенном уровне континуитета идентичностей железного века как «носителей археологических культур», в действительности удержаться в такой интерпретации трудно, особенно потому, что единственные свидетельства вне археологии — это свидетельства греко-римских источников, которые в то же самое время являются отражением их колониальной «этнографии». Античная «этнография», как было ранее отмечено, есть литературный жанр или элемент колониального дискурса греческой и римской элит, в рамках которого они старались объяснить происхождение народов континентальной Европы, их географию и историю через когнитивное групповое восприятие гетерогенности («германцы», «кельты», «иллирийцы») и стереотипизацию этих псевдоэтнических групп.

Римский «Иллирик» — это не более чем пространственный конструкт римской геополитики и когнитивного восприятия пространства, сконструированный в эпоху поздней Республики и ранней Империи, подобно «Галлии», «Германии», «Британии» и даже «Италии». В соответствии с этим жители этой территории когнитивно именовались в римскую эпоху «иллирийцами», а в региональном контексте — «далматинцами» или «паннонцами», так как Иллирик был разделен на провинции: Далмацию и Паннонию. Это оказало сильное влияние на существовавшее до недавнего времени научное понимание, а также на современный политический и обыденный дискурс о дославянских идентичностях²⁷. Процесс аккультурации в эпоху римского правления в Иллирике

²⁴ См.: Klaić N. Povijest Hrvata u srednjem vijeku. Zagreb, 1990. S. 18–24; Švab M. Današnje stanje historiografije o pojavi Hrvata na istočnoj obali Jadrana // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. Zagreb, 1995. S. 54–60; Katičić R. The Origins of the Croats // Croatia in the Early Middle Ages: A Cultural Survey (Croatia and Europe 1). London; Zagreb, 1999. P. 155–166; Fine J. Croats and Slavs; theories about the historical circumstances of the Croats' appearance in the Balkans // BF. 2000. Bd 26. S. 205–218.

²⁵ Ward-Perkins B. Why did the Anglo-Saxons not become more British? // English Historical Review. 2000. Vol. 115. Nr 462. P. 526 (говоря об англосаксах и бриттах).

²⁶ См.: Džino D. Delmati, vino i formiranje etničkog identiteta u predrimskom Iliriku // VAPD. 2006. Sv. 99. S. 71–80.

²⁷ См.: Šašel-Kos M. Appian and Illyricum. (Situla 43). Ljubljana, 2005. S. 219–244. — Ср.: Džino D. «Deconstructing "Illyrians"»: Zeitgeist, changing perceptions and the identity of peoples from ancient Illyricum // Croatian Studies Review. Sydney, 2007. Vol. 5–6 (в печати).

привел к формированию разнообразных идентичностей в среде автохтонного населения — сначала через установление административных единиц (*civitates*), а потом муниципализацию и дальнейшее взаимодействие со средиземноморской глобализацией и римской имперской идеологией. Трудно считать, что этот процесс в Паннии и Далмации закончился полной ассимиляцией местного населения в «однообразную провинциальную культуру», как ее называет А. Моци, скорее жизнь внутри *imperium Romanum* предложила этой популяции различные способы для реконструкции существующих идентичностей в рамках римской имперской идеологии²⁸. Вместо более ранних идентичностей доримской эпохи жители Иллирика формировали различные идентичности, которые возникали на экологической и региональной основе — Адриатического побережья, Динарского пояса, Паннии — их социальной и индивидуальной идентичности в рамках провинциальной идентичности Иллирика²⁹.

Данный процесс продолжился христианизацией Иллирика, принимавшей различные формы в зависимости от региона — от раннего вселенского христианства в Салоне и прибрежных городах до гибридного христианства во внутренних областях, которые полностью христианизируются только в середине VI века³⁰. Политические потрясения в поздней античности приводят Иллирик в зону влияния Остготского королевства, и потом, в VI веке, — Восточной Римской империи Юстиниана³¹.

МОДЕЛЬ КУРТЫ И DE ADMINISTRANDO IMPERIO

Основной тезис Ф. Курты состоит в том, что славянская идентичность не обладала культурным и историческим континуитетом с античностью и доисторией. По его мнению, «славяне» на Балканский полуостров не пришли из какой-либо определенной прародины, но выстроили свою идентичность только в интеракции с Восточноримским или Византийским лимесом и агрессивной политикой Юстиниана в Подунавье. «Славяне» становятся славянами только на Дунайском лимесе, а не в припятских болотах³².

²⁸ «...dull provincial culture» — см.: *Mócsy A. Pannonia and Upper Moesia*. London, 1974. P. 250–263. — Ср.: *Wilkes J. Illyrians*. Oxford; Cambridge, 1992. P. 254–259. — Все еще остается влиятельной альтернативная интерпретация, представленная Д. Рендичем-Миючевичем, согласно которой «романизация» была только поверхностной (*Rendić-Miočević D. Piri i Antički svijet: Ilirološke studije*. Split, 1989). Ср.: *Rendić-Miočević D., Pedišić I. Nouveaux témoignages épigraphiques du culte du Sylvain à Rider // Illyrica Antiqua: Ob honorem Dujе Rendić-Miočević / Ur. M. Šegvić, I. Mirmik*. Zagreb, 2005. S. 415–418. — Обе концепции требуют перепроверки в свете новых подходов к «романизации» в остальных частях империи. См.: *Bojanovski I. Bosna i Hercegovina u antičko doba*. (Djela ANU BiH. Knj. LXVI. Centar za balkanološka istraživanja. Knj. 6). Sarajevo, 1988. S. 72–74, 345–354. — Ср.: *Woolf G. Becoming Roman: The origins of provincial civilization in Gaul*. Cambridge, 1998; *Webster J. Creolizing the Roman provinces // American Journal of Archaeology*. 2001. Vol. 105/2. P. 209–225; *Hingley R. Globalizing Roman culture: Unity, diversity and empire*. London; New York, 2005; и др.

²⁹ О региональной идентичности Иллирика см.: *Alföldy G. Die «illyrischen» provinzen Roms: von der Vierfalt zu der Einheit // Dall' Adriatico al Danubio: L'Illirico nell'età graeca e romana: I convegni della fondazione Niccolò Canussio 3*. Pisa, 2004. P. 207–220.

³⁰ См., например: *Jarak M. Questions concerning christianization of autochthonous romanized population of Dalmatia // Illyrica Antiqua: Ob honorem Dujе Rendić-Miočević*. S. 305–314.

³¹ Из новых работ см., например: *Margetić L. Iz starije hrvatske povijesti // Radovi zavoda povijesnih znanosti HAZU*. Zadar, 2001. Knj. 43. S. 1–11; *Andrić S. Savsko-dravsko međurječje od kasne antike do ranog srednjeg vijeka // Scrinia Slavonica*. 2002. Vol. 2. S. 129–163. — В более широком региональном контексте см. также: *Curta F. Southeastern Europe...* P. 39–69.

³² Римская/византийская граница становится «интерфейсом», где конструируются новые идентичности: *Curta F. Frontier Ethnogenesis...* P. 173–204. — Ср.: *Elton H. Defining Romans, Barbarians and Roman Frontier // Shifting Frontiers in Late Antiquity / Ed. by R. Mathisen, H. Sivan*. Aldershot, 1996. P. 126–135.

Элементы культурного габитуса задунайского населения видны и внутри лимеса, возможно, даже в V веке³³, но это их совершенно не делает этничностью или показателем «славянскости», но скорее является результатом культурной интеракции и спорадичных движений населения в поздней античности.

Византийско-славянские столкновения Ф. Курта объясняет через социально-экономическую модель конкуренции между существующими задунайскими группами, являвшейся результатом инфляции византийской валюты и временного прекращения монетного обмена со Средиземноморьем, наблюдаемых в археологических находках, датированных периодом между 545 и 565 годом³⁴. Общественная реакция на изменение экономических обстоятельств выразилась в подъеме воинских элит, для которых война была единственным способом получения престижных объектов, т. е. основ политического могущества и социальной идентичности³⁵. Короче говоря, модель Курты объясняет, что «славянские массы» стали «славянскими» только в соприкосновении с границей и что «массы» были количественно значительно меньшего объема, чем считалось до этого.

Подход Курты в основе базируется на археологических доказательствах, но он также искусно использует контекстуальную критику письменных источников о славянских переселениях, особенно современников, таких как Прокопий Кесарийский³⁶. В контексте Иллирика сочинение, ныне известное как *De administrando imperio* (далее — DAI) Константина VII Багрянородного, все еще часто осторожно принимается в науке как источник по идентичностям и переселению сербов и хорватов и подтверждение существования этих идентичностей до IX в., несмотря на доказанные многообразные непоследовательности в тексте³⁷. Большинство авторов не столько рассматривали этот труд в его историко-культурном контексте, сколько старались показать, что DAI все-таки некоторым образом скрывает зерна исторической истины о событиях далекого прошлого. Лишь с недавних пор критика подчеркивает ненадежность хорватского *origo gentis* в 30-й главе, и его бесполезность для интерпретации событий VII века³⁸, а также очевидную ромейскую политическую пропаганду в 31-й главе³⁹.

Трактат, который первоначально был задуман как книга этнографии народов (Περὶ ἔθνων), обитавших за границами империи, превратился в справочник для сына Констан-

³³ См.: *Trifunović S.* Slovenska naselja V–VII veka u Bačkoj i Banatu // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. I: Проблемы славянской археологии. М., 1997. С. 173–185.

³⁴ *Curta F.* Invasion or inflation? Sixth- to seventh-century Byzantine coin hoards in Eastern and Southeastern Europe // *Annali dell'Istituto Italiano di Numismatica*. 1996. Nr 43. P. 65–224.

³⁵ Модель немного напоминает модель «кельтских» переселений в IV в. до н. э.: *Fitzpatrick A. P.* «Celtic» Iron Age Europe: the theoretical basis // *Cultural Identity and Archaeology: The construction of European communities / Ed. by P. Graves-Brown, S. Jones, S. Gamble.* London; New York, 1996. P. 238–255; *Wells P.* The Barbarians Speak... P. 99 ff.

³⁶ *Curta F.* The Making of the Slavs... P. 36–73 (письменные источники эпохи переселений). — Об этнографических стереотипах Прокопия см.: *Cameron A.* Procopius. London, 1985. P. 218–219.

³⁷ См. обзор более ранних мнений: *Lončar M.* Porfirogenetova seoba Hrvata pred sudom novije literature // *Diadora*. 1992. Sv. 14. S. 375–448. — Остальные более поздние письменные источники — *Historia Salonitana* Фомы Сплитского и Летопись попа Дуклянина — недостаточно достоверны для изучения этого древнейшего периода. См.: *Katičić R.* The Origins of the Croats. P. 151–155.

³⁸ *Curta F.* Southeastern Europe... P. 137–139. — Ср.: *Katičić R.* Die Anfänge des kroatischen Staates // *Die Bayern und ihre Nachbarn*. Т. I / Hrsg. von H. Wolfram und A. Schwarz. Wien, 1985. S. 299–312; *Evans H.* The Early Medieval Archaeology... P. 64–85.

³⁹ ВИИН. Т. II. С. 37–46.

тина — Романа II⁴⁰. Константин в DAI мало говорит о своих намерениях, исключая очевидное желание передать знания собственному сыну⁴¹, а также любознательное стремление классифицировать различные народы, их происхождение, обычаи, образ жизни, климат. Интересно отметить, что он видит миссию Византийской империи как «капитана, который управляет кораблем мира», в то время как власть византийского самодержца сравнивается этим же автором в *De Caerimoniis* с «гармонией универсума»⁴². Ромей для Константина — эпицентр мира, остальные народы имеют ненасытный и хищный характер, будучи постоянно недовольны «дарами», которые им присылают ромей⁴³. Хотя Константин очень редко использует слово «варвар», он применяет его без исключения и к армянам, и к арабам, и к славянам⁴⁴. Подобно тому как византийская литература вообще стремилась быть имитацией античной литературы⁴⁵, возможно, что Константин в какой-то мере сознательно стремился к имитации (*mimesis*) ранней эллинистической «этнографии», которая имела намерение объяснить «другого». Но это только поверхностное впечатление, возможный авторский замысел или литературный идеал. Античная историография и этнография основываются на более ранней традиции, которую имитируют и которой манипулируют⁴⁶, в то время как Константин в DAI вообще не обращается ни к античной историографии, ни к этнографии. Он не интересуется дохристианской эпохой, создавая свой труд в рамках христианской традиции и опираясь в большей степени на устные источники, нежели на письменные авторитеты, за исключением, возможно, выжимок из административных документов, хранившихся в дипломатических архивах⁴⁷.

29–36-я главы DAI, в которых упоминается приход славян, должны рассматриваться как часть единого целого, которому они принадлежат. Политические и идеологические цели Константина Порфирогенета многосторонни и многозначны. DAI безукоризненно функционирует в рамках византийской политической идеологии универсальной христианской империи — *Pax Christiana*. Византийская ойкумена держится не силой, а тонкой сетью дипломатии, конституирующей ойкумену в виде сообщества народов, связанных православным христианством и признанием политического верховенства автokrатора в Константинополе и культурного доминирования ромеев⁴⁸.

⁴⁰ *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Vol. II: Commentary. London, 1962. P. 1–8; Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus and His World. London, 1973. P. 581–582.*

⁴¹ DAI. 1.13 (διδάξει) (здесь и далее ссылки на текст DAI даются по изданию: *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Greek text ed. by Gy. Moravcsik; Engl. transl. by R. J. H. Jenkins. Washington, 1967*).

⁴² *Ibid.* 1.8–10; *Constantinus Porphyrogenitus. De ceremoniis aulae byzantinae libri II / E rec. Io. Iac. Reiskii. Bonnae, 1829. P. 5.*

⁴³ DAI. Прооіцнов 6–9, 17–20.

⁴⁴ *Ibid.* 43.18 (армяне из Тарона); 48.5 (сарацины); 49.32; 49.34; 49.48 (славяне на Пелопоннесе). — О ромейском видении «варваров» см.: *Obolensky D. Byzantium and the Slavs: Collected Essays. New York, 1994. P. 13.*

⁴⁵ См.: *Hunger H. On the imitation (mimesis) of Antiquity in Byzantine Literature // DOP. 1969/70. Vol. 23. Nr 4. P. 15–38; Mango C. Byzantine Literature as a Distorting Mirror // Byzantium and the Classical Tradition / Ed. M. Mullett, R. Scott. Birmingham, 1981. P. 3–18 (особенно: P. 14–16).*

⁴⁶ См.: *Marincola J. M. Authority and Tradition in Ancient Historiography. Cambridge, 1997.*

⁴⁷ Об устных источниках см.: *Bury J. B. The Treatise De Administrando Imperio // BZ. 1906. Bd 15. Nr 3–4. S. 530 ff.; Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus... P. 599–600.*

⁴⁸ См.: *Obolensky D.* 1) *The Byzantine Commonwealth. New York, 1971. P. 353–359;* 2) *Byzantium and the Slavs. P. 1–22.* — Ср.: *Haldon J. F.* 1) *Ideology and social change in the seventh century: Military discontent as a barometer // Klio. 1986. Vol. 68. P. 161–173;* 2) *Byzantium in the Seventh Century. Cambridge, 1990. P. 348–371.* — Здесь аргументировано показано, что ромей совместили римский принцип универсальной империи с христианской идеологией, так что на место распространения *humanitas* (цивилизации) пришло православное христианство и превосходство Константинополя над остальными. О *humanitas* в римской имперской идеологии см.: *Wolf G. Becoming Roman. P. 54–60; Hingley R. Globalizing Roman culture... P. 62–71.*

Первое и самое значительное в DAI — показать, что территория древнего Иллирика находилась в прошлом под властью ромеев и что, в соответствии с этим, ромеи имеют моральное и политическое право считать ее частью своей ойкумены⁴⁹. В контексте этого политического манифеста понятно, почему DAI рассматривает славян как пришельцев и настаивает на мотиве — прихода их с территории неопределенной «прародины». Они — пришельцы, помещенные в Иллирике исключительно по воле предшественников Константина, поселивших их, крестивших и избравших им вождей, и ставшие самостоятельными из-за слабости некоторых императоров, допустивших их независимость⁵⁰. Славяне в Иллирике — это зона влияния Византии, а не франков⁵¹ и не болгар⁵². Политическая реабилитация Василия I, которая была одной из целей литературной деятельности Константина, является исключительно важным лейтмотивом в этом контексте и должна приниматься во внимание как один из ключевых политических факторов, фигурирующих на заднем плане DAI⁵³.

Итак, DAI есть не более чем смесь политической идеологии, устных преданий и неверных представлений внешнего наблюдателя. При этом предание о приходе хорватов и сербов из «Белой Хорватии» и «Белой Сербии» есть не более чем способ объяснить и рационализировать социальную и культурную перемену посредством неверной интерпретации событий из поздней античности⁵⁴. Это предание ничем контекстуально не отличается от явно фиктивного сюжета о том, что Диоклетиан основал Диоклею или колонизировал Далмацию⁵⁵. Если в 30-й главе и было использовано хорватское предание, *origo gentis*, мы его никак не можем принять как достоверное, так же как и почти идентичный миф о приходе болгар, фигурирующий у Феофана и Никифора⁵⁶. Другие содержащиеся в DAI примеры «переселения народов» и их прародин также более чем проблематичны. «Великая Моравия», которую упоминает Константин, никогда не существовала, он здесь отображает скорее только историю традиции, а не историю событий⁵⁷. Хорватская *origo gentis* оформлена в рамках ромейской политической идеологии, ибо отделяет Склавинии от франков и символически вводит их внутрь

⁴⁹ DAI. 29.70–74; 31.58–60. — Смещение Константином современной ему Далмации и Далмации римской является не только следствием использования разных источников (см.: Lončar M. O Porfirogenetovoj Dalmaciji // Diadora. 1990. Sv. 12. S. 391–400), но также неминуемо и политическим дискурсом, рассматривающим Далмацию как византийскую сферу влияния.

⁵⁰ DAI. 31.7–20; 32.7–30 (по воле правителя); 29.70–84; 31.20–25 (крещение и избрание правителей); 30.87–90 (крещение хорватов римским епископом); 30.125–142 (регулирование отношений); 29.58–61; 29.84–87 (неспособность предшественников).

⁵¹ Ibid. 30.79–87.

⁵² Ibid. 31.58–67.

⁵³ Ibid. 29.70 ff.; 30.125–142. — См.: Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus... P. 575, 582–598, 608.

⁵⁴ См.: Curta F. Southeastern Europe... P. 138–139. Ср.: Evans H. The Early Medieval Archaeology... P. 66, 71.

⁵⁵ DAI. 29.3–14; 35 (Docleia — civitas Docleatae существует с I в. н. э. См.: C. Plinii Secundi Naturalis historiae libri XXXVII. 3.143: Pliny. Natural History / Transl. by N. Rackham, W. H. S. Jones, D. E. Eichholz (Loeb Classical Library. Vol. 2). London, 1942. P. 106); 29.3–7; 31.11–15 (Диоклетиан «колонизирует» Далмацию, которая на самом деле была колонизирована еще со времен поздней Республики).

⁵⁶ См.: Pohl W. 1) Das Awarenreich und die «kroatischen» Ethnogenesen // Die Bayern und ihre Nachbarn. T. I / Hrsg. von H. Wolfram und A. Schwarz. Wien, 1985. S. 293–298; 2) Die Awaren: Ein Steppenvolk in Mitteleuropa, 567–822 n. Chr. München, 1988. S. 270 ff. — Ср.: Klaić N. Povijest Hrvata u srednjem vijeku. Zagreb, 1990. S. 23–24.

⁵⁷ DAI. 13.5; 38.58; особенно 40.32–34. — Ср.: Wolfram H. The Image of Central Europe in Constantine VII Porphyrogenitus // Constantine VII and his Age: Second International Byzantine Conference / Ed. by M. Markopoulos. Athens, 1989. P. 5–14; Pohl W. Grundlagen der Kroatischen ethnogenese: Awaren und Slawen // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. Zagreb, 1995. S. 221–222.

ромейской ойкумены через посредничество Василия I между славянами и «романцами» (жителями далматинских городов)⁵⁸ (об этом см. ниже). Опора DAI на устные источники важна только как элемент политического дискурса тех, кто его представляет, «объясняя» историческую легитимность политических структур и идентичностей, создававшихся этими структурами, например «романцев» как наследников римлян, дукиан как наследников «романцев», и т. д.⁵⁹ Если же рассказ о приходе хорватов в DAI является частью хорватского устного дискурса, тогда речь идет о политически и идеологически мотивированных мифах, легитимировавших существующее положение и политическое преобладание группы посредством утверждения фиктивной кровной связи между членами группы через общих хорватских предков — воображаемых братьев и сестер, названных в DAI.

«СТАНОВИТЬСЯ СЛАВЯНИНОМ»

Так называемые «темные века» Юго-Восточной Европы» между 600 и 800 г. — это время, когда в данном регионе трансформируется позднеантичная социальная структура и складываются новые политические образования, в результате чего в IX столетии появляются новые идентичности⁶⁰. Если мы рассматриваем «славянские переселения» как популяционные движения групп, выстраивающих новые виды самоопределения только в соприкосновении с лимесом, как предполагает Ф. Курта, очевидна потребность выработки новой интерпретационной модели, которая бы объяснила процесс «становления славянами» в западной части Иллирика. Новая модель должна фокусироваться на механизмах конструирования новых идентичностей, в первую очередь позволяя вскрыть фундаментальные причины процесса «становления славянами» в раннесредневековом Иллирике.

Ф. Курта прав, подчеркивая, что начало процесса «становления славянами» следует усматривать в интеракции с юстиниановским лимесом и политизации культурного габитуса задунайского населения. Но этот процесс продолжался и имел далее своим результатом разнообразие «славянских» идентичностей, которые выстраивались посредством контактов с различными существующими политическими и культурными структурами, какими были ромеи, франки, бавары и т. д. «Славянство» остается общим наименованием, культурным стереотипом, который проявляется в восприятии имеющихся источников. Но в действительности за его монолитностью скрывается множество «славянских» идентичностей.

Следует принять во внимание, что различные регионы Иллирика предполагали существование различных моделей аккультурации со Средиземноморским миром в античности, так что было бы иллюзией представление, что в поздней античности Иллирик населяла культурно однообразная популяция. Побережье и прибрежные области в значительной мере были включены в глобальные процессы Средиземноморского мира, будучи урбанизированными и христианизированными. Весьма вероятно, что

⁵⁸ DAI. 30.126–142 («правовое регулирование» новой ситуации). — Ср.: Pohl W. Grundlagen der Kroatischen ethnogenese... S. 221.

⁵⁹ О «романцах» см.: DAI. 29.14–53. — О дукианах: Ibid. 29.3–14; 35.

⁶⁰ В. Поль считает, что этнические общности не формировались на Западных Балканах до IX в.: Pohl W. Die Awaren... S. 216–218.

христианская вселенская идентичность халкидонского образца здесь полностью заменяет в V–VI вв. более раннюю римскую идентичность. Аналогичный процесс происходил в постримском мире и в других местах⁶¹. Положение далматинских городов, предоставленных после юстиниановской эпохи самим себе, привело к установлению новой «романской» идентичности. «Романцы» не стали славянами, но не стали и византийскими «ромеями». Эта идентичность была весьма закрытой по отношению к славянам и остальным «другим», и хорошим примером соответствующего персонального нарратива является *Historia Salonitana* Фомы Архидиакона⁶². Эта идентичность идеологически черпала вдохновение из воображаемой связи с античным миром, особенно через урбанизацию и идеологический акцент на «континуитете» от римских Диоклетиановых времен, чьи следы мы видим в DAI. Но в своей основе эта была совершенно новая идентичность, трансформация которой продолжилась и далее в Средние века⁶³.

Во внутренних областях и Динарских Альпах складывалась отличная от побережья экологическая и культурная ситуация. Ввиду специфического способа, каким здесь осуществлялась аккультурация со Средиземноморским миром, она требует более сложного объяснения. Урбанизация в изучаемый период прекращается, но в данном регионе она никогда не была развита. Города были административными центрами, возникшими как элемент римской административной инфраструктуры и очень редко имели континуитет с доримскими поселениями⁶⁴. Художественный стиль римской эпохи подвергся здесь значительному региональному влиянию⁶⁵. Христианство стало серьезно распространяться во внутренней области только в V–VI вв., в результате чего возникают гибридные образования, объединяющие автохтонные религиозные формы с глобальными тенденциями христианства⁶⁶. Неудивительно, что церковная структура на недостаточно и недавно христианизированной территории прекратила существование или трансформировалась в нечто новое, когда оказалась вне политико-идеологических границ Римской империи⁶⁷. Пример сирмисиан — греков, которые были переселены аварами в Паннонию в VII в., как о том сообщают «Чудеса св. Димитрия» — показывает гибридизацию христианства и, более того, целой идентичности всего за одно-два поколения⁶⁸.

⁶¹ См.: Greatrex G. Roman identity in the sixth century // *Ethnicity and Culture in Late Antiquity* / Ed. by S. Mitchell, G. Greatrex. London, 2000. P. 267–292.

⁶² См.: Curta F. *Southeastern Europe...* P. 16–17.

⁶³ DAI. 29.14–53; 31.11–15; 33.3–4; 35; 36.3–5. — О континуитете и трансформации городских общин в Далмации из античности в Средневековье см.: Margetić L. *Iz starije hrvatske povijesti*. S. 6–9.

⁶⁴ См.: Bojanovski I. *Bosna i Hercegovina u antičko doba*. S. 65–74.

⁶⁵ См.: Rendić-Miočević I. *Umjetnost Ilira // Umjetnost Ilira u antičko doba* / Ur. A. Benac. (Posebna izdanja ANU BiH. Knj. LXVII. Centar za balkanološka istraživanja. Knj. 11). Sarajevo, 1984. S. 65–80; Cambi N. *Sepulkuralni spomenici antropomorfnog karaktera kod Ilira // Umjetnost Ilira u antičko doba*. S. 105–117.

⁶⁶ См.: Jarak M. *Questions concerning christianization...* P. 308–311. — Категории «язычник» и «христианин», конечно, относительны. Локальные варианты и плюрализм в понимании христианства в принципе характерны для этого периода. Ср.: Smith J. *Europe after Rome: A New Cultural History 500–1000*. Oxford, 2005. P. 222–224; Wood I. *Pagan reflections and superstitions East of Rhine from the Fifth to the Ninth Century // After Empire: Towards ethnology of Europe's Barbarians*. San Marino, 1995. P. 253–268; Haldon J. *Byzantium...* P. 327–337.

⁶⁷ Погребения в Далмации показывают кремацию и ингумацию, в то время как в Паннонии больше представлена кремация, что указывает на более значительную степень культурного габитуса в Паннонии: Evans H. *The Early Medieval Archaeology...* P. 241–266.

⁶⁸ См.: Nikolov S. *The Pagan Bulgars and Byzantine Christianity in the Eighth and Ninth Centuries // Journal of Historical Sociology*. 2000. Vol. 13. Nr 3. P. 340–341; Pohl W. *Die Awaren...* S. 278–281.

Археология демонстрирует нам бессмысленное, почти бесцельное распространение артефактов «славянской» культуры в Иллирике⁶⁹. Археологические находки этого периода в Хорватии обнаруживают сильный регионализм и частичное изменение культурного габитуса в погребальных обычаях, характеризующееся упрощением ритуала и специфической керамикой, связанной с этими погребениями⁷⁰. Очень трудно, если вообще возможно, узнать «славянскость» или «хорватскость» в этих погребениях, но скорее можно увидеть общий задунайский культурный габитус «славян», т. е. распространение и избирательное принятие этого габитуса местным населением. Население во внутренней области «становится славянами», хотя сам этот процесс «становления славянами» мы должны рассматривать не как полностью ассимиляционный и односторонний, а как вид культурной мимикрии, скрывавшей под маской общего наименования «славяне» и дославянское население, которое начало проявлять свою идентичность в иных видах⁷¹, а также конструировало специфические идентичности, такие как *Dalmatini* (см. ниже).

Причины, по которым население «стало славянами», остаются все еще недостаточно ясными, как и механизм этой трансформации. Тезис В. Поля, что «славяне» предложили социальную модель равенства и увеличенных доходов от сельскохозяйственной продукции, не облагавшейся налогом со стороны государственных учреждений, очень эффективно отрицается критикой «демократии» у славян Ф. Куртой, показывающим появление конкуренции среди «славянских» предводителей в VI–VII вв. и их самоопределение через воинские атрибуты⁷². Для внутренней части Далмации можно постулировать модель, подобную постантической Восточной Британии, где бриттское население стало англосаксонизированным, так как не могло осуществлять культурно-идеологический дискурс, который бы был привлекателен для усвоения его пришельцами, тогда как политические и практические выгоды смены идентичности были для местного населения значительно большими⁷³. Римскую идентичность было невозможно сохранить вне границ римской инфраструктуры, в то время как возвращение к старым, доримским идентичностям после столетий аккультурации со Средиземноморьем было бы абсурдным.

Распространение славянского языка в Иллирике остается большой загадкой. Общий славянский язык с трудом можно проследить до VIII в., но его появление в Далмации становится очевидным приблизительно после середины VII века⁷⁴. С другой стороны,

⁶⁹ Evans H. The Medieval Ravni Kotari: A Synthesis // The Changing Face of Dalmatia: Archaeological and Ecological Studies in a Mediterranean Landscape / Ed. by J. Chapman, R. Shiel, Š. Batović. London, 1995. P. 295–296. — Насколько распространение этих артефактов является результатом миграции, а насколько — принятия нового культурного габитуса и аккультурации, сказать невозможно.

⁷⁰ См.: Sokol V. The archaeological heritage... P. 117–119. — Ср.: Evans H. The Early Medieval Archaeology... P. 164–205.

⁷¹ Процесс протекал весьма избирательно, некоторые дославянские имена оказались устойчивыми; см.: Rendić-Miočević I. Prilog proučavanju naše srednjovjekovne onomastike // SHP. Ser. III. Split, 1949. Sv. 1. S. 9–21. — В то же время идентичность неславянизированных влахов сохраняется в позднейший период в этом регионе вплоть до их окончательной славянизации; см.: Winnifriith T. The Vlachs: The History of a Balkan People. London, 1987; Mirdita Z. Vlasi u historiografiji. Zagreb, 2004.

⁷² См. их аргументы: Pohl W. Die Awaren... S. 94–127; Curta F. The Making of the Slavs... P. 311–334.

⁷³ Об англосаксонизации бриттов в Англии, где соотношение было 4:1 в пользу автохтонного населения, усвоившего идентичность пришельцев, см.: Ward-Perkins B. Why did the Anglo-Saxons not become more British? (особенно P. 521–533); Moorhead J. The Roman Empire Divided. London, 2001. P. 103–109.

⁷⁴ Lunt H. Common Slavic, Proto-Slavic, Pan-Slavic: What are we talking about? // International Journal of Slavic Linguistic and Poetics. 1997. Vol. 41. P. 7–67. — О появлении и распространении славянского языка через топонимы см.: Šimunović P. The evidence... P. 401–412.

о языке дославянской популяции известно исключительно мало, и то в основном из исследований ономастики, основывающихся на топонимике, именах из римской эпохи и предполагаемых связях с албанским языком, которые не являются полностью доказанными⁷⁵. На народном, вульгарном латинском, подобном латинскому «романцев» из прибрежных городов, говорили при хорватском дворе, как в IX столетии свидетельствует бенедиктинец Готтшалк⁷⁶. Распространение общего славянского языка могло бы объясняться его использованием в качестве койне Аварского каганата, т. е. сообществ, которые к нему тяготели, и позднейшим его употреблением в качестве койне Болгарского царства. Этим можно объяснить унифицированность позднейшего старославянского языка⁷⁷. Соответственно, то, что сейчас именуется «общим славянским языком», представляло бы собой часть культурного габитуса задунайской популяции, чье распространение стало возможным в границах политических структур Аварского каганата и Болгарского государства. В контексте языковой проблемы в постримском Иллирике очень важно принять во внимание гетерогенность более общей языковой картины этого периода, которая демонстрирует сложность и нелинейность взаимодействия между такими определениями, как «язык», «культурный габитус», «политическая идентичность» и «этничность»⁷⁸.

Археология показывает становление в VIII в. между Карпатами, Италией, Черным морем и Балканским полуостровом центральноевропейского культурного «континуума», чье пространство стало политическим контуром Аварского каганата⁷⁹. Стоит подчеркнуть, что «аварскость» есть относительное понятие. Авары являлись «аварами» только в политической системе каганата. Вне ее восприятие менялось в зависимости от социального контекста. Например, «авары» были всадниками/номадами, «славяне» — земледельцами, «болгары» — воинами⁸⁰. Можно предположить, что структуры каганата остались основой политической организации в Западном Иллирике, независимо от степени политической связанности западнобалканской периферии с ядром аварской идентичности в Паннонии. Институт бана в Хорватии и жупанов, которые появляются среди славян, — хороший пример культурно-политических аварских влияний и аккумуляции⁸¹. Свидетельства о жупанах как институте, по меньшей мере, спорадичны. Очевидно, они связаны с появлением славян, причем видна эволюция этого

⁷⁵ См.: Mayer A. Etymologisches Wörterbuch der Illyrischen Sprache der alten Illyricum. Bd I–II. Wien, 1957–1959; Katičić R. Ancient Languages of the Balkans. (State-of-the-Art Reports 4–5). The Hague, 1976.

⁷⁶ См.: Lambot C. Oeuvres théologiques et grammaticales de Godescalcs d'Orbais. Louvain, 1945. P. 208.

⁷⁷ Curta F. The Making of the Slavs... P. 344–346.

⁷⁸ «We must dismiss the nineteenth-century misconception that there ever existed a matching relationship of one people or polity to one language. Equally erroneous is the notion that there was linguistic uniformity within any medieval group that regarded itself as constituting a single people or nation <...> languages did not start and stop at political frontiers: they overlapped in various ways that took no account of political allegiances» (Smith J. Europe after Rome. P. 17).

⁷⁹ См.: Daim F. Avars and Avar archeology. An introduction // Regna and Gentes: The Relationship between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World / Ed. by H.-W. Goetz, J. Jarnut, W. Pohl. Leiden; Boston, 2003. P. 516–523.

⁸⁰ См.: Pohl W. Avars // Regna and Gentes: The Relationship between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World / Ed. by H.-W. Goetz, J. Jarnut, W. Pohl. Leiden; Boston, 2003. P. 584–588. — Ср.: Pohl W. Grundlagen der Kroatischen ethnogenese. S. 214–215.

⁸¹ О слове «жупан» как аварско-тюркской терминологии см.: Wolfram H. Die Geburt Mitteleuropas: Geschichte Österreichs vor seiner Entstehung. Wien; Berlin, 1987. S. 352 ff. — Ср.: Pohl W. Grundlagen der Kroatischen ethnogenese. S. 220; Evans H. The Early Medieval Archaeology... P. 271–272.

института от военных вождей до провинциальной администрации⁸². С другой стороны, система жупаний в Далмации во многом корреспондирует с позднеантичной административно-территориальной и церковной структурой⁸³. Таким образом, институт жупаний в Далмации показывает постепенный процесс аккультурации между существующей постримской инфраструктурой и новыми политическими отношениями, появившимися с созданием в VII в. «аварского» культурно-политического континуума⁸⁴.

В этом контексте необходимо обратить внимание на «далматинскую» идентичность, упоминаемую в некоторых письменных франкских источниках, которая отделяется и от «славян», и от «романцев» из далматинских городов⁸⁵. Дославянские жители суть «фактор, который не часто принимают в расчет»⁸⁶. Интересна модель И. Мужича, так как она предполагает гетерогенность и интеракцию идентичностей: *Dalmatini*, славяне, хорваты сосуществуют внутри рамочной хорватской раннесредневековой идентичности. Согласно Мужичу, *Dalmatini* были наследниками античных далматов, что трудно принять, так как трудно поверить в континуитет идентичностей античной эпохи⁸⁷. Но, несмотря на детали, тезис Мужича о существовании далматинской идентичности в Далмации как неславянской и нероманской⁸⁸ является значительным продвижением в понимании трансформации постантичной Далмации. Существуют прочные основания считать, что провинциальная идентичность, которую источники называют *Dalmatini*, была сконструирована ранее внутри позднеантичной римской провинции Далмации⁸⁹ и что

⁸² DAI. 29.67; *Zhekov Z.* On the Titles of Balkan Aristocracy in 7th – 9th Century // *Balkan Studies*. Sofia, 2003. Vol. 4. P. 84–88, 91–92.

⁸³ Ф. Смилянич рассматривает континуитет в рамках миграционной модели, в соответствии с которой славяне перенимают прежнюю модель: *Smiljanić F.* Beitrag zur Erforschung der Županien — Ordnung in Sklavinen Kroatien // *Diadora*. 1990. Sv. 12. S. 371–390.

⁸⁴ *Evans H.* The Early Medieval Archaeology... P. 267–276. — Согласно Эвансу, жупаны контролировали территории радиусом около 90 км. О жупанах как последствиях аварского влияния см. выше (примеч. 82).

⁸⁵ *Annales Regni Francorum* (a. 817): «pro Dalmatinorum causa» (*Carolingian Chronicles* / Ed. by B. Scholz. Ann Arbor, 1970. P. 101; *MGH SS*. T. 6. Hannoverae, 1844. P. 145); *Astronomus. Vita Hludovici XXIV* (a. 817): «de finibus Dalmatinorum, Romanorum et Sclavorum» (*Thegan. Die Taten Kaiser Ludwigs/Astronomus. Das Leben Kaisers Ludwig* / Ed. E. Tremp. (MGH SRG. T. 64). Hannoverae, 1995. P. 370); *Godescalc* (Gottschalk): «Dalmatini homines» (*Lambot C.* Op. cit. P. 208); *Iohannes Diaconus. Historia Veneticorum* 3.14: «Sclavorum pessime gentes et Dalmacianorum» (*Fonti per la Storia dell'Italia medievale*. Vol. 2 / Ed. L. A. Bertò. Bologna, 1999. P. 137). — Восприятие Далмации изменяется во франкских анналах, отражая различное понимание Далмации и далматинцев и эволюцию франкского представления об этой территории. *Dalmatini* из 806 г. (*Carolingian Chronicles* / Ed. by B. W. Scholz. P. 85; *MGH SS*. T. 6. Hannoverae, 1844. P. 120–121) — это, очевидно, романцы из Задара, в то время как *Dalmatini* из 817 г. — далматинцы, особенно в связи со свидетельством *Vita Hludovici*. Важно подчеркнуть, что Анналы писались погодно и разными авторами. 806 год хронологически принадлежит второму композиционному блоку (a. 795–807), в то время как 817-й — третьему, последнему блоку (a. 808–829) (*Carolingian Chronicles*. P. 4–8).

⁸⁶ «Instead they remained as another group that had to be integrated into the state system» (*Evans H.* The Early Medieval Archaeology... P. 276). Эванс без значительных оснований отказывает дославянской популяции в возможности военной и политической организации вне рамок империи. Ситуация в пост-римской Британии показывает, что нет оснований считать, будто население не могло организоваться на локальном уровне.

⁸⁷ *Mužić I.* Hrvatska povijest... S. 146–208. — Эта модель культурной гетерогенности внутри политических образований встречается в постримской Европе почти повсеместно: *Goetz H.-W.* Conclusion // *Regna and Gentes: The Relationship between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World* / Ed. by H.-W. Goetz, J. Jarnut, W. Pohl. Leiden; Boston, 2003. P. 620–621.

⁸⁸ *Dalmatini homines* Готтшалка раньше отождествлялись с хорватами: *Rapanić Ž.* Solinska epizoda europske povijesti // *VAHD*. 1992. Sv. 85. S. 100.

⁸⁹ *Dalmatini* могут рассматриваться как *cives patria Dalmatia*, эквивалент бриттам или кимврам (валлийское собирательное имя, которое происходит от позднеантичного *cumbrogi* — «соплеменники»). См.: *Snyder C.* An Age of Tyrants: Britain and the Britons, AD 400–600. Pennsylvania, 1998. P. 50–80.

===== Д. Дзино. «Становиться славянином», «становиться хорватом»... =====

в постримскую эпоху она стала основой, на которой осуществлялась аккультурация дославянской популяции Далмации и пришлых групп, которые гомогенизировались в рамках «славянской» идентичности.

Создание «романской» идентичности в далматинских городах — ключевой процесс для понимания «далматинской» идентичности, так как при своем формировании она исключила остатки дославянской популяции, населявшей внутренние области. Деление на «романцев» и «далматинцев» отображает реорганизацию дославянских идентичностей и решительную перемену в идеологии, на которой основывались эти идентичности. В то время как «романская» идентичность старалась имитировать позднеантичное строго стратифицированное общество, во внутренней области позднеантичная, глобализированная элита, которая также самоопределялась в пределах позднеантичного стратифицированного общества, со временем была заменена сходно базированным редистрибутивным обществом, замкнутым внутри себя. Этот процесс находит аналогии в постримской Британии, где в V в. наступает эпоха «тиранов»/«магнатов», которая является отражением подъема новых элит, вырабатывавших новые способы самоопределения⁹⁰. Здесь также имели место переплетение структур власти между пришельцами и автохтонами и крайняя политическая фрагментация, которая начинает выстраиваться снизу вверх, через семью, регион, достигая политических институций⁹¹. Мы можем предположить, что аккультурация происходила посредством языка, так как «далматинцам» было трудно, если вообще возможно, сохранить язык без письменности, в то время как принятие славянского языка дославянской элитой делало возможным более легкое участие во власти в Аварском каганате и облегчало коммуникацию внутри этого новообразованного культурного континуума.⁹²

«СТАНОВИТЬСЯ ХОРВАТОМ»

Обе вышеупомянутые модели аккультурации (побережье/внутренние области), конечно, не объясняют появления хорватской и других политических идентичностей в конце VIII–IX веке. Представление о миграции хорватов из Белой Хорватии дискредитировано не только письменными источниками, но и данными археологии⁹³. Несомненно то, что появление этих политических образований связано с реанимацией политической активности в этом регионе: уничтожением франками Аварского каганата и организацией византийцами фемы Далмации. Первые упоминания хорватского имени, *rex sclavorum /dux croatorum*, появляются только в IX веке. Дарственная грамота Трпимира является самым ранним упоминанием хорватского имени, но она

⁹⁰ См.: Snyder C. An Age of Tyrants...; Woolf A. The Britons: From Romans to barbarians // Regna and Gentes: The Relationship between Late Antiquity and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World / Ed. by H.-W. Goetz, J. Jarnut, W. Pohl. Leiden; Boston, 2003. P. 355 ff.; Dark K. Civitas to Kingdom: British Political Continuity 300–800. Leicester, 1994. P. 235–257; Millett M. The Romanization of Britain. Cambridge, 1990. P. 212–228; и др.

⁹¹ См.: Yorke B. Anglo-Saxons: gentes and regna // Regna and Gentes: The Relationship between Late Antiquity and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World / Ed. by H.-W. Goetz, J. Jarnut, W. Pohl. Leiden; Boston, 2003. P. 395–401.

⁹² Например, билингвизм, который предполагает Д. Оболенский: Obolensky D. The Balkans in the 9th century: barrier or bridge // BF. 1988. Bd 13. S. 47–66.

⁹³ Evans H. The Early Medieval Archaeology... P. 152–158. — Критику письменных доказательств см. выше: примеч. 57–58.

проблематична⁹⁴. Первое достоверное упоминание — *dux cruatorum* из надписи Бранимира. Так что до времени Бранимира мы вообще не можем с определенностью установить существование хорватской идентичности⁹⁵.

Термин *хорваты* вообще не должен был представлять собой этническое обозначение, подобно тому как этого не представляли и другие титулы правителей постантичной Западной Европы. Эти идентичности следует рассматривать скорее как политические или социальные категории, нежели как этнические определения. Этнические титулы правителей не представляли этничность как объединяющую идеологию группы, но отражали политическое единство определенных территорий. Как предполагает Э. Гиллетт, этнические титулы наподобие *rex Francorum* должны были быть не отражением самоопределения, а административным названием⁹⁶. *Mutatis mutandis*, титул *rex Croatorum* был скорее результатом процесса политической софистики в Далмации, а именно интеграции в каролингские политические структуры, чем отражением уже существующей хорватской этничности в IX веке.

Важнее, чем устанавливать природу хорватской идентичности, определить социальный контекст, в котором появляются «хорваты». В какой-то мере хорватскую идентичность можно рассматривать или как региональную идентичность ликской элиты⁹⁷ или как социальную, сословную идентичность новообразованной элиты в IX веке⁹⁸. Археология показывает появление в Хорватии в конце VIII в. воинственно настроенной элиты, которая рекомбинирует каролингские символы могущества наподобие оружия с аварскими символами наподобие пряжек, а также показывает свою идентичность через идеологическую христианизацию и сильный акцент на латинских надписях в публичной сфере⁹⁹. Политические обстоятельства меняются с франкской политической экспансией и выздоровлением Византийской империи, делая возможным создание более сложных политических образований¹⁰⁰.

Хорватская *origo gentis* демонстрирует выстраивание политического дискурса, «показывающего» связь хорватов через ирреальное кровное родство и рассказ о пере-

⁹⁴ См.: *Klaić N. Povijest Hrvata u srednjem vijeku*. S. 58. — Некоторые специалисты считают ее историческое ядро аутентичным: *Rapanić Ž. Solinska epizoda...* S. 91–116.

⁹⁵ См.: *Pohl W. Grundlagen der Kroatischen ethnogenese...* S. 222–223; *Margetić L. Bilješke u vezi s nastankom hrvatske države u 9. stoljeću // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. Zagreb, 1995. S. 144–147.*

⁹⁶ *Gillett A. Was Ethnicity Politicized in the Early Medieval Kingdoms? // On Barbarian Identity: Critical Approaches to Identity in the Early Middle Ages / Ed. by A. Gillett. Turnhout, 2002. P. 85–121.* — См. об этом же: *Goetz H.-W. Conclusion // Regna and Gentes: The Relationship between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World / Ed. by H.-W. Goetz, J. Jamut, W. Pohl. Leiden; Boston, 2003. P. 622–623, 627–628.*

⁹⁷ См.: *Mužić I. Hrvatska povijest...* S. 249–262. — Ср.: *Klaić N. Povijest Hrvata u srednjem vijeku*. S. 47.

⁹⁸ См. об этом в несколько отличающихся у разных авторов контекстах: *Pohl W. 1) Die Awaren...* S. 16; 2) *Grundlagen der Kroatischen ethnogenese*. S. 223; *Fine J. Croats and Slavs...* P. 212–215; *Curta F. Southeastern Europe...* P. 141–144.

⁹⁹ Об эпиграфике см.: *Matijević-Sokol M. Latin inscriptions // Croatia in the Early Middle Ages: A Cultural Survey (Croatia and Europe 1). London; Zagreb, 1999. P. 239–256.* — О христианстве как идеологии, которая укрепляет могущество *potentes*, скорее, чем *pauperes*, в этот и более поздний период см.: *Smith J. Europe after Rome...* P. 217–252. — Об этом же в контексте Хорватии см.: *Evans H. The Early Medieval Archaeology...* P. 284–286. — Насколько воинские атрибуты в погребениях действительно показывают воинов, вызывает вопрос. См.: *Härke H. «Warrior Graves»? The Background of the Anglo-Saxon Weapon Burial Rite // Past and Present. 1990. Vol. 126. P. 22–43.*

¹⁰⁰ См.: *Sokol V. The archaeological heritage...* P. 119–131; *Curta F. Southeastern Europe...* P. 141–144; *Evans H. The Early Medieval Archaeology...* P. 269–270, 285–286; *Klaić N. Povijest Hrvata u srednjem vijeku*. S. 39–47 (влияние франков); *Goldstein I. Uloga Bizanta u procesu etnogeneze Hrvata u IX. stoljeću // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. Zagreb, 1995. S. 105–109 (византийцы).*

Д. Дзино. «Становиться славянином», «становиться хорватом»...

селении. Хорватскую идентичность надо, следовательно, рассматривать сквозь призму дискурса новых элит в VIII веке. Новая элита, «хорваты», формировалась после падения Аварского каганата и экспансии Франкского королевства из местных элит, которые самоопределялись между романцами, ромеями, франками и аварами и которые были принуждены построить в этих обстоятельствах более сложные политические образования. Процесс аккультурации, осуществлявшийся на территории римской Далмации в период между миграциями VII в. и гибелью Аварского каганата в IX в., разворачивался в политическом вакууме, в котором Иллирик был раздроблен, находясь во власти региональных магнатов. И хотя этот процесс трудно документировать, можно говорить о том, что он протекал очень активно и плодотворно.

Идентичность создается интеракцией, поэтому хорватская идентичность создается только в интеракции с «другим» и через установление более сложных политических структур. Новые элиты не были ни славянскими, ни автохтонными, хотя и могли казаться «славянскими» внешнему наблюдателю. Они являлись результатом предшествующего процесса аккультурации, протекавшего в эпоху аварского господства и социальной трансформации. Хорватская идентичность не исключала ни славянскую, ни далматинскую идентичности, но их обе политически гомогенизировала. Ситуация напоминает (конечно, в совершенно ином историческом контексте) создание политических идентичностей в античном Иллирике в результате экспансии средиземноморской глобализации и влияния политического усложнения средиземноморских политических структур.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Книга Ф. Курты открывает двери для новой интерпретации смены идентичностей в Иллирике. Первое и самое важное заключается в том, что «славяне» — это собирательное имя, которое маскировало гетерогенность задунайской популяции, изменившей природу своей социальной идентичности в VI веке. Следовательно, славяне не существовали как «народ» или «группа народов/племен». «Анты», «венеды», «склавины» — это различные восприятия общего культурного габитуса со стороны наблюдателей, подобно тому как «авары» — это общая социально-политическая идентичность, за которой скрывалась ее действительная гетерогенность.

Во-вторых, славянские «миграции» являлись хаотичными популяционными движениями малых групп, а не «славянским наводнением» или организованной колонизацией Балканского полуострова. В контексте Иллирика не являющиеся современными письменные источники следует для данного периода почти полностью отвергнуть. DAI следует, в соответствии с этим, рассматривать как недостоверный источник, комбинацию византийского «ориентализма», практического политического руководства и политико-идеологической пропаганды. Хорватская *origo gentis* в DAI скрывает скорее идеологический нарратив группы, идентифицирующей себя в качестве «хорватов», нежели традицию и историю хорватского народа. Археология этого периода указывает на начало трансформации культурного габитуса в Иллирике, что требует обращения внимания скорее на процесс «становления славянами», чем на «сохранение автохтонного населения» или «приход славян», ибо обе концепции относительно, так как подразумевают реифицированность идентичностей и оставляют без внимания важность интеракции и текучести, т. е. непостоянства групповых идентичностей.

Дославянское население перестало быть римлянами по многим причинам. Иллирик был предоставлен самому себе со стороны Западной, а затем и Восточной империи, а вне римской инфраструктуры не было возможности для сохранения «римской» идентичности. Христианство никогда глубоко не укоренилось во внутренней области, так что церковная организация не могла быть основой для реструктурирования идентичности, исключая Адриатическое побережье. Идентичность «романцев» важна в процессе «становления славянами», конструирование «романской» идентичности основывалось на замкнутости и изолированности ввиду своей военной и политической уязвимости, так что внутренние области были исключены из этой новой идентичности, и такая ситуация способствовала тому, что дославянские жители «стали славянами».

«Славяне» не стали «далматинцами» по многим причинам, особенно если мы примем во внимание, что не существовало сильного культурного дискурса, который бы их достаточно впечатлил подобно тому, как образцы римской культуры впечатлили готов или франков. Исчезновение письменности и поэтому невозможность сохранения культурно-идеологического дискурса во внутренних областях привели к тому, что за пару поколений идентичность дославянского населения трансформировалась в процессе аккультурации. «Становление славянами» есть процесс, который одинаково относится и к пришельцам, и к «местному» населению, так как и одни и другие в действительности «стали славянами», рекомбинируя символику создания собственной идентичности и трансформируя культурный габитус: одни — усвоением иного языка, другие — адаптацией к существующей территориальной организации, как видно из примера жупаний, хотя сам процесс более сложный, и необходимо его лучше исследовать. «Повторное открывание» христианства и интеракция с более сложными политическими образованиями, какими были государство Каролингов и Византийская империя, делали возможным появление новых политических идентичностей и нового идеологического дискурса — делали возможным «становление хорватами», т. е. конструирование идентичности, которая объединяла «славян» и «далматинцев», не исключая «славянской» или «далматинской» идентичности, или региональных идентичностей, таких как *Guduscani*.

Важнейший вывод, который здесь напрашивается, состоит в том, что речь идет о двух отдельных процессах. Первый есть процесс аккультурации, «становления славянами», оказавший содействие выстраиванию культурного габитуса, который со стороны внешних наблюдателей виделся как «славянский», хотя сам по себе скрывал гетерогенную популяцию. Этот процесс происходил на периферии аварского культурного континуума посредством крайней политической фрагментации и в оппозиции к новообразованной «романской» идентичности далматинских городов. «Становление славянами» — это исключительно сложный процесс трансформации культурного габитуса в специфических политических условиях, которые отделили Иллирик от Средиземноморья и временно переориентировали его на Центральную Европу в качестве периферии аварского континуума. Крайняя политическая фрагментация и отсутствие политических сил по соседству не требовали строительства политических образований, которые бы привели к конструированию новых идентичностей, — население римской Далмации не имело причин конструировать идентичности до IX века.

Другой процесс есть строительство сложных политических образований — «становление хорватами» (сербами, захумлянами и т. д.), который в изменившихся поли-

===== Д. Дзино. «Становиться славянином», «становиться хорватом»... =====

тических условиях распада аварского континуума, с основанием феодальной Далмации и франкским прорывом в Центральную Европу, вызвал формирование политических структур и новых идентичностей в культурном габитусе Славиний.

Summary

The Making of the Slavs, the recent monograph by Florin Curta, has enabled new possibilities in the interpretation of the processes of making and constructing Slavic identities in early medieval times. First and most important is that «Slavs» are a common name that masked the heterogeneity of the trans-Danubian population that changed the ways they constructed their social identity in the sixth century — therefore the Slavs do not share the same identity or ethnicity. «Antes», «Venethi», or «Sclavini» are just different perceptions of this population by outside observers, reflecting parallel narratives of the process we know as *Slav migrations* from the sixth and seventh centuries.

Curta's views enable new interpretative frameworks, which tackle the problem of the transformation of identities in post-Roman Illyricum, from pre-Slavic in late antiquity to medieval Slavic identities. This article views Slavic *migrations* as irregular population movements of smaller groups, rather than a «Slavic flood» or an organised migration to the Balkan peninsula. Written sources that are not contemporary should be almost fully disregarded for this period when discussing Slavic migrations in Illyricum. The *De Administrando Imperio* of Constantine VII Porphyrogenitus should be seen as a combination of Byzantine «orientalism», a political manual and ideological-political propaganda. The *origo gentis* of the Croats in Chapter 30 of his work hides the ideological narrative of the group that identified itself as «Croats», rather than the tradition and history of the Croat people.

The formation of identities in post-Roman Illyricum shows a number of different overlapping processes, which should be considered separately, thus eliminating the real need for a single «grand-narrative» of this period in future scholarship. The pre-Slavic population ceased to be Roman for many different reasons. Illyricum was left to its own devices from the western and afterwards from the eastern Roman Empire. There was no possibility of maintaining Roman identity outside of the Roman political infrastructure. Christianity was never rooted in the hinterland, so that church organisation could not be a base for restructuring identities, except in coastal communities. The newly constructed identity of «Romans» in Dalmatian cities was based on their exclusiveness, probably for their military and political vulnerability, so that the hinterland became excluded from this new identity, and the pre-Slavic population «became Slavs».

The most important conclusion of this paper is that there were two separate processes caused by the «Slav migrations» occurring at the end of antiquity in Illyricum. The first is the process of acculturation, the indigenous population «becoming Slavs», which resulted in the transformation of cultural *habitus* to one that was perceived by outside observers as «Slav», but it was in fact hiding a heterogeneous population. This process occurred at the periphery of the Avar *qaganate* coinciding with extreme political fragmentation and in opposition to the newly developed identity of «Romans» from Dalmatian coastal cities. The political fragmentation and absence of political

=====
Studia Slavica et Balcanica Petropolitana
=====

forces in the neighbourhood did not require the development of political entities that would produce new identities — the population of post-Roman Dalmatia had no reason to construct and define their identities before the ninth century. The second process was the development of complex political entities that in changed political circumstances, after the disintegration of the Avar *qaganate*, the foundation of *thema* Dalmatia and the building of the Carolingian empire, caused the formation of political institutions and new identities, such as the Croats, which developed in the cultural *habitus* of the Sclavinias.